

27
6 122

ВРЕМЕННОИЪ $\frac{29}{649}$.

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО

Л И Ц Е Я.

КНИГА СТО ВОСЬМАЯ.

БИБЛІОТЕКА
ЯРОСЛАВСКОЙ ДУКОВСКОЙ
АКАДЕМІИ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1912.

Д. Н. РАДОНЕЖСКИЙ.

С 190
190

29
649.

МАЛОЛѢТНІЕ ПРЕСТУПНИКИ МОСКВЫ

по даннымъ Рукавишниковскаго Приюта за 1903—1907 годы и
Отдѣленія малолѣтнихъ Городскаго Работнаго Дома и Дома
Трудолюбія за 1908—1909 годы.

№ 44982.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1912.

Составъ содержащихся въ Рукавишниковскомъ
Приютѣ и Отдѣленіи малолѣтнихъ воспитанни-
ковъ по возрасту, сословію, экономическому по-
ложенію, образованію.

- II. Характеристика дѣтской преступности. Товари-
щество. Форма совершенія.
- III. Типы дѣтей—преступниковъ. Поведеніе ихъ въ
Приютѣ (и Отдѣленіи) въ смыслѣ исправимости.
- IV. Вліяніе на преступность условій городской жизни;
семейной обстановки; алкоголизма; событій обще-
ственной и политической жизни.

88-44-4

8911-44

2007068780

Изъ всей огромной массы преступнаго люда наибольшій интересъ и наибольшее за собой значеніе имѣтъ та часть, которая получила званіе рецидивистовъ.

Послѣдніе—результатъ долгой жизненной отдѣлки, результатъ совершенно исключительныхъ особыхъ условій, въ которыхъ значительному большинству ихъ приходится существовать. Еще съ дѣтства, мальчиками, они ухитряются попасть на скамью подсудимыхъ; часто эти первые шаги—роковые шаги, и рѣшительнымъ образомъ опредѣляютъ дальнѣйшую судьбу будущаго носителя печальной миссіи. Понятно, отсюда, насколько преступность малолѣтнихъ должна имѣть и имѣть значеніе, и для общества, противъ котораго она направляется, и для всѣхъ тѣхъ, кого интересуютъ вопросы уголовного предупрежденія.

Хотя бы частичное освѣщеніе дѣтской преступности можетъ помочь заглянуть въ причины этого все болѣе и болѣе нарастающаго современно-общественнаго зла, можетъ помочь познакомиться съ однимъ изъ главнѣйшихъ этаповъ развитія рецидива.

Предлагаемая ниже впечатлѣнія по даннымъ за 1903—1907 годы въ жизни Рукавишниковскаго Пріюта и 1908—1909 г. жизни Отдѣленія малолѣтнихъ имѣютъ цѣлью дать общую характеристику содержащихся въ Пріютѣ и Отдѣленіи воспитанниковъ, въ надеждѣ, что эти впечатлѣнія, основанныя болѣе или менѣе на объективномъ матеріалѣ, внесутъ и свою долю въ общее дѣло изученія преступности и борьбы съ ней.

Матеріалами послужили, главнымъ образомъ, біографіи воспитанниковъ, каковыя составляютъ возможно скоро по поступленіи мальчика въ Пріютъ или Отдѣленіе. Руководствуются составители біографій преимущественно разсказами

воспитанниковъ самихъ о себѣ и, разумѣется, всѣми другими матеріалами: показаніями родителей, родственниковъ, товарищей и т. п. Можетъ, конечно, возникнуть вопросъ, насколько довѣрять показаніямъ самихъ воспитанниковъ. Потому что здѣсь, правда, имѣютъ мѣсто иногда абсолютно невѣрные рассказы. Но, прежде всего, такія искаженія часто представляется возможность исправить показаніями другихъ, тѣхъ же самыхъ хотя бы родныхъ мальчика, а затѣмъ, наиболѣе, пожалуй, важныя данныя, чисто фактическаго характера, таковы, что ихъ нѣтъ смысла переверять; послѣднее чаще случается тамъ, гдѣ рѣчь заходить о мотивировкѣ какого-либо поступка, объ общей характеристикѣ всего прошлаго и т. д.; нужно наконецъ, имѣть въ виду и то, что «опытный» ужъ мальчикъ имѣетъ также предъ собой и опытнаго воспитателя, черезъ руки котораго успѣлъ пройти не одинъ десятокъ подобныхъ молодцовъ и у котораго образовался достаточный навыкъ разбираться въ этихъ разсказахъ. Во всякомъ случаѣ, добытый матеріалъ подвергается усиленной провѣркѣ.

Помимо всего этого, авторомъ сихъ строкъ тщательно откидывалось, какъ негодный для обобщеній матеріалъ, все, что хоть сколько-нибудь имѣло сомнительную вѣрность.

Періодъ съ 1903 по 1907 г. (Рук. Пр.) и съ 1908 по 1909 г. (Отдѣл. малолѣтн.) взять былъ потому, что сравнительно продолжительный срокъ гарантировалъ отъ частичныхъ обобщеній и давалъ основанія полагать, что всѣ возможныя въ этой области случайности нивелировались и открылись общимъ нормальнымъ ходомъ. Годы 1903—1907 и 1908—1909 намѣчены безъ всякой предвзятой мысли.

I. Составъ содержащихся въ Рукавишниковскомъ Приютѣ и Отдѣленіи малолѣтнихъ воспитанниковъ по возрасту, сословію, эконоическому положенію, образованію.

За все указанное пятилѣтіе въ Приютѣ (его Подслѣдственное Отдѣленіе) поступило 327 человѣкъ. Распредѣленіе поступленій по годамъ приблизительно равномѣрно.

Одинаковъ, въ общемъ, и возрастной составъ поступающихъ воспитанниковъ. Колеблясь между 10 и 17, онъ даетъ среднюю для всѣхъ воспитанниковъ въ $14^{145/326}$ (лѣта одного воспитанника не указаны), т. е. почти $14^{1/2}$; если принять во вниманіе, что въ біографіяхъ пишутся лѣта уже прошедшія, наступившія, а не текуція, т. е. не пятнадцатый, напримѣръ, пишется, а прямо четырнадцать, и что, такимъ образомъ, нѣсколько мѣсяцевъ, иногда больше даже шести, оказываются отброшенными, эту среднюю нужно повысить почти до 15 и, во всякомъ случаѣ, до $14^{3/4}$. Возрастъ переходный, не разъ отмѣчаемый изслѣдователями и въ другихъ областяхъ, какъ наиболѣе опасный, критическій (см., напримѣръ, половую анкету пр.-доц. Моск. Унив. Членова среди московскаго студенчества: первое знакомство съ женщинами, первое «паденіе» падаетъ также на 15-лѣтній, въ среднемъ, возрастъ). Кризисъ вполне понятенъ и въ данномъ случаѣ: около этого времени мальчики изъ трудовыхъ семей начинаютъ выбиваться на самостоятельную дорогу, выходятъ изъ-подъ родительской опеки, часто имѣютъ хотя бы и небольшой, свой, однако, личный заработокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не окрѣпшіи еще физически, не доразвившіи умственно, мальчикъ, еще не сознавшій вполне своихъ силъ и не соразмѣрившій ихъ съ тѣмъ чудовищемъ, съ которымъ онъ выходитъ на борьбу, на борьбу съ жизнью, онъ часто оказывается безсильнымъ противостать ей и ею захлестывается. Часто первые опыты знакомства съ самостоятельностью иску-

паются цѣной трехъ, четырехъ, а то и болѣе лѣтъ жизни въ Пріютѣ.

Нѣсколько меньше средняя возрастная у воспитанниковъ Отдѣленія; здѣсь она равняется почти 12 ($11^{81/82}$); нужно, однако, принять во вниманіе, что сюда поступаютъ молодежь, съ 8 лѣтъ (и таковыхъ не одинъ), затѣмъ есть нѣкоторая разница и по существу: въ Пріютѣ всѣ мальчики (за единичными, какъ увидимъ ниже, исключеніями) уже отмѣчены признакомъ судимости, т. е., другими словами, по сравненію съ мальчиками Отдѣленія представляются въ извѣстной мѣрѣ натурами сложившимися и рѣшившимися на опредѣленный шагъ, что, естественно, предполагаетъ и старшій возрастъ; тогда какъ мальчики Отдѣленія лишь въ части своей (типичные бродяги, бывшіе обитатели «хивы» (Хитровъ Рынокъ), задержанные за нищенство) примыкаютъ къ населенію Пріюта, отличаясь вполне случайнымъ для нихъ, въ данномъ случаѣ, признакомъ несудимости—пока, конечно. Остальная масса Отдѣленія, скорѣе, безпризорные, брошенные или явившіеся добровольцами, изъ которыхъ только общается выработаться питомецъ Рукавишниковскаго Пріюта.

Изъ сказаннаго уже намѣчается, для кого собственно, для чьихъ дѣтей существуетъ Пріютъ и кого онъ въ себя принимаетъ. Это или неудачники на жизненномъ поприщѣ, съ перваго же выхода на арену попавшіе въ разрядъ побѣжденныхъ, оказавшіеся не въ силахъ остаться на трудовомъ пути, или это дѣлцы иного характера, великолѣпно по-своему понявшіе, что такое жизнь и какъ съ ней слѣдуетъ чинить расправу, профессионалы, успѣвшіе освоиться и даже усвоить преступную и этику, и технику.

Но, во всякомъ случаѣ, и та, и другая группы принадлежатъ къ тѣмъ слоямъ, гдѣ волей или неволей, но кусокъ хлѣба приходится добывать самому. Въ этомъ насъ превосходно убѣждаетъ сословный и профессиональный (по занятіямъ родителей) составъ воспитанниковъ Пріюта и Отдѣленія.

Данныя таковы, что невольно приходит на мысль иногда кажущаяся утрированной фраза Турати, что преступность— это повинность, отбывать которую выпадает на долю лишь общественнымъ низамъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 327 человекъ, попавшихъ въ Пріютъ, вѣрнѣе, изъ 317, потому что о 10 нѣтъ указаній на ихъ сословное происхожденіе, лишь 1 находится дворянинъ, 1 почетный гражданинъ, 5 только пеховыхъ и уже 62 мѣщанина и цѣлыхъ 248 крестьянъ. Таковъ же составъ и Отдѣленія: изъ 74 человекъ (о 9 указаній нѣтъ) дворянъ 1 (Маркизь В. де-К., внукъ французскаго эмигранта, сынъ подпоручика русской службы, опустившагося затѣмъ до портного съ Хитровки; мальчикъ задержанъ за нищенство, ему около 13 лѣтъ; ничѣмъ особеннымъ, кромѣ необыкновенной подвижности и рѣзвости, себя не выдѣляетъ), пеховыхъ 2, мѣщанъ 10 и крестьянъ опять 61.

Цифры въ высшей степени знаменательныя, тѣмъ болѣе печальныя, что здѣсь жертвой общественныхъ нестроеній являются дѣти, всѣхъ больше будто виновныя. Такъ, безсознательно еще, они задыхаются и гибнутъ въ окружающей ихъ средѣ. Общество, какъ таковое, не брезгуетъ въ борьбѣ съ тѣми, кто противъ него, ничѣмъ: ревностно охраняя своихъ, оно злобно топить ребенка даже противника, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, еще дитятей вкусивши прелести жизни, впоследствии сторицей отплатилъ ему.

Того же характера данныя, рисующія намъ общую картину экономическаго положенія родителей мальчиковъ, а, слѣдовательно, и этихъ послѣднихъ. Еще очевиднѣе вытекаетъ отсюда, какую въ концѣ концовъ видную роль играетъ вѣрный и обеспеченный, постоянный кусокъ хлѣба въ уголовной невинности гражданина. Такъ, изъ 295 человекъ воспитанниковъ Пріюта (32 не могли сказать ничего о характерѣ заработка родителей), несмотря на то, что крестьянъ, какъ мы видѣли выше, насчитывается 248, чистокровныхъ, такъ сказать, мужиковъ, т. е. у которыхъ живы отецъ и мать и

оба «крестьянствуютъ», обрабатываютъ свои надѣлы, такихъ насчитывается только 21 человекъ. Можно, пожалуй, еще къ нимъ присоединить 40 человекъ, которые заявляютъ, что отецъ умершій занимался хлѣбопашествомъ или мать, живая еще, продолжаетъ хозяйничать по смерти мужа. Всѣ эти 61 человекъ родились и выросли въ селѣ. Изъ 248 крестьянъ болѣе или менѣе типичныхъ мужиковъ лишь 61—⁰/₁₀₀ совсѣмъ незначительный. Дѣло простое, межъ тѣмъ: типичное крестьянство мало изъ себя выдѣляетъ преступныхъ элементовъ потому, что, какъ-ни-какъ, но оно всегда имѣетъ за собой извѣстное обезпеченіе, въ видѣ того же земельного надѣла: послѣдній, въ ряду другихъ средствъ къ жизни, выгодно отличается своимъ постоянствомъ, онъ есть всегда, тогда какъ ни рабочій, ни мастеровой никогда не могутъ сказать ничего подобнаго про свою отрасль труда. У нихъ чаще возможна случайность лишиться заработка, и у нихъ она опаснѣе: они пролетаріи. Въ силу этого, они же являются и легче уязвимымъ въ уголовномъ отношеніи классомъ, что, въ свою очередь сказывается и на преступности ихъ дѣтей: въ то время какъ мы нашли только 61 мальчика, которыхъ можно назвать мужиками, вся остальная масса въ 234 человека является представителемъ если не чисто пролетарскихъ слоевъ населенія, то все же такихъ, гдѣ кормятся, главнымъ образомъ, ремесломъ, мастерствомъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ самыя разнообразныя профессіи. Обще у нихъ всѣхъ одно: всѣ онѣ очень мало даютъ своимъ служителямъ денегъ, и послѣднихъ единить поголовная лишь нужда. Только двое изъ мальчиковъ говорятъ, что «живутъ» или «жили» хорошо; однако, и это «хорошо» имѣетъ узкій довольно смыслъ: при громадной семьѣ, при дороговизнѣ городской жизни, заработокъ отповѣ не превышаетъ 75 рублей въ мѣсяцъ.

Подробное перечисленіе всѣхъ профессій или занятій, какія называются въ біографіяхъ, заняло бы слишкомъ много времени и мѣста. Большая часть ихъ покоится на знаніи

извѣстнаго мастерства; это сапожники, портные, столяры, кузнецы, токаря, позолотчики, переплетчики, пекаря; попадают лакеи, швейцары, повара; дворники, извозчики; рабочіе (26 человѣкъ) фабричныя и заводскіе и т. д. Человѣкъ около 50 занимаютъ болѣе или менѣе сносно оплачиваемыя мѣста: низшіе желѣзнодорожныя служашіе, конторщики, приказчики; въ это же число 50 нужно отнести и нѣсколькихъ мелкихъ торговцевъ, урядниковъ, фотографа, агента сыскной полиціи.

Въ общемъ, во всѣхъ 327 просмотрѣнныхъ біографіяхъ воспитанниковъ Пріюта и 83 воспитанниковъ Отдѣленія не было указано ни одной, не только состоятельной, но просто хотя бы прилично живущей семьи. Такъ, напримѣръ, никто изъ мальчиковъ, за исключеніемъ одного, окончившаго Ремесленное училище, не могъ получить законченнаго образованія больше начальнаго потому, что нужно было поступать на мѣсто и добывать для дома, если таковой имѣлся. Лишь 4 человѣка могли продолжать образованіе послѣ начальной школы; однако, и эти, подъ вліяніемъ той же опять нужды, скоро ступили на легкій путь, доведшій до Пріюта. Опять приходится повторить, что дѣти богатыхъ вполне застрахованы отъ гостепрѣимныхъ стѣнъ исправительныхъ заведеній, и родителямъ ихъ нечего опасаться за такую, именно, судьбу своего ребенка: она почти невозможна.

Какъ же велика степень приспособленности къ самостоятельной жизни самихъ мальчиковъ, кліентовъ Пріюта или Отдѣленія. Знакомо ли имъ какое-нибудь ремесло? Грамотны ли они, наконецъ? На все приходится отвѣтить: нѣтъ. Ремесла почти никто не знаетъ никакого: въ большинствѣ, почти исключительно, это «мальчики» мастерскихъ, «мальчики въ услуженіи»; они только пріучаются, и жалованье ихъ рѣдко превышаетъ 5—7 рублей. А то и такъ, «изъ-за науки» живутъ у хозяина, бесплатно. Что же касается грамотности, то въ этомъ отношеніи мы наталкиваемся на весьма характерныя данныя. Характерныя, именно, для преступныхъ, бро-

дѣтей. Эти данныя, въ согласіи съ вышеприведенными уже данными, говорятъ, убѣждаютъ, что и со стороны чисто, такъ сказать, природнаго запаса силъ, энергіи, средствъ борьбы, эти дѣти имѣютъ также большой минусъ: ихъ способности никоимъ образомъ нельзя назвать даже удовлетворительными, онѣ ниже средняго. Такъ, изъ 321 воспитанника (Рук. Пр.)—о 6 не имѣемъ указаній—совсѣмъ не учились нигдѣ сравнительно немного, только 36 человѣкъ. Процентъ небольшой, особенно если принять во вниманіе, что большинство воспитанниковъ сельскіе жители. Посмотримъ дальше. Окончило пачальную школу (церковно-приходскую, земскую, городскую) также очень и очень немного, только 60 человѣкъ; лишь четыре изъ нихъ продолжили образованіе: 1 прошелъ 3 класса гимназіи, 1 два класса реального училища, 1 три класса городского училища и 1 окончилъ ремесленное училище. Остальная масса питомцевъ Пріюта въ 225 человѣкъ только пыталась выучиться грамотѣ; изъ этихъ 225 никто не смогъ окончить начальной даже школы; черезъ два-три, иногда четыре года они вынуждены были оставить училище: по неспособности, изъ-за лѣни, баловства, или, какъ они сами про себя говорятъ въ такихъ случаяхъ, за озорничество. Правда, попадаются причины и другого характера,—явленіе, обычное для семьи, гдѣ лишній ротъ безъ дѣла тяжелая обуза: мальчика иногда беретъ изъ школы отецъ или мать, для домашнихъ работъ, для отдачи въ люди; здѣсь причины чисто ужъ экономическаго характера, въ чемъ сами дѣти, разумѣется, нисколько не повинны.

Нужно, однако, замѣтить, что такого рода объясненія своихъ неудачныхъ попытокъ получить хотя бы маленькое образованіе мы находимъ далеко не часто. Большинство откровенно приздается, что не могли докончить школу по личнымъ чисто качествамъ. И, наконецъ, всякій, кто знакомъ немного съ начальной школой, гдѣ для учителя часто вопросъ чуть не жизни и смерти представить на экзаменъ возможно

большее число ребятъ, всякій долженъ знать, какое горячее противодѣйствіе находятъ со стороны самого же учителя эти попытки родителей забрать на работу изъ школы способныхъ, особенно, учениковъ. Всѣми правдами и неправдами, но ему удается въ большинствѣ отстоять мальчугана и довести его до экзамена, когда курсъ считается оконченнымъ. Такъ что нельзя сказать, чтобы и вообще-то это обстоятельство играло рѣшающую роль въ перерывѣ образованія. Выгоняютъ мальчика изъ школы за неуспѣшность, поведеніе, или сами родители берутъ такого, убѣдившись въ его непригодности, какъ ученика—это другое дѣло. И, очевидно, намъ въ этой группѣ въ 225 человекъ и приходится имѣть дѣло съ такими отставшими, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, разумѣется. Подобнаго же рода данныя представляетъ и Отдѣленіе: изъ 83 человекъ окончило начальную школу 7 лишь воспитанниковъ; не училось вовсе также 7 и не смогли по разнымъ причинамъ окончить начатаго курса опять 69 человекъ.

Выводъ отсюда напрашивается самъ собой: мальчишки развиты умственно ниже средняго, это, если можно такъ выразиться, отбросы, не удовлетворившіе даже тому незначительному *minimum*’у, какой могъ быть къ нимъ предъявленъ въ народной школѣ. Помимо ужъ того, что безграмотность значительно уменьшаетъ возможную сопротивляемость неблагоприятнымъ условіямъ среды, лишая человека необходимаго почти въ настоящее время орудія въ борьбѣ за существованіе, эти приведенныя цифры даютъ понять, что такое преступный человекъ прежде всего, особенно, преступникъ малолѣтній: какъ человекъ, отдѣльный индивидъ, онъ величина меньше средней. Потому что, какъ бы ни было, но такой огромный процентъ не смогшихъ окончить школы, какъ 225 изъ 285 (36 не видало школы совсѣмъ, о 6 неизвѣстно—Рук. Пр.) или 69 изъ 76 (7 не учились—Отдѣл. мал.), такой $\%$ не можетъ быть признанъ нормальнымъ, при какихъ угодно условіяхъ. Можно, наконецъ, въ подтвержденіе

выставленныхъ положеній сослаться на слѣдующее. Мальчики плохо занимаются и въ настоящее время, будучи уже оторваны отъ тѣхъ тягостныхъ условій и неприглядной обстановки, которыя сопутствовали имъ до Пріюта или Отдѣленія; они всё вообще занимаются хуже воспитанниковъ обычныхъ школъ, таково мнѣніе всѣхъ, съ ними близко соприкасающихся,— но и изъ нихъ, по даннымъ Отдѣленія, мы находимъ цѣлыхъ 22 изъ 83 человекъ, которыхъ воспитатели отмѣчаютъ какъ слабыхъ, съ плохими способностями, тупицъ и т. п.

Принимая во вниманіе всё въ высшей степени тяжелыя вліянія, о каковыхъ говорилось выше и будетъ рѣчь итти еще далѣе, все же можно, соображаясь съ приведенными цифрами, не малую долю этихъ бродяче-преступныхъ дѣтей отнести къ извѣстнымъ категоріямъ умственно-отсталыхъ и такъ называемыхъ иммораликовъ. Обѣ категоріи являются наиболѣе опасными въ уголовномъ смыслѣ; такъ, по свидѣтельству доктора В. П. Кащенко, директора частнаго Санаторія въ Москвѣ для дѣтей умственно-отсталыхъ, первые выдѣляютъ изъ себя до 75⁰/о будущихъ преступниковъ, вторые же, т. е. имморалики, даже до 90⁰/о. Характерныя отличія послѣднихъ—ненормально развитая чувствительность въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи: злобность, цинизмъ и т. п. Эти же признаки весьма часто характеризуютъ и питомцевъ Пріюта.

II. Харантеръ дѣтской преступности. Товарищество. Формы совершенія.

Не менѣе наводящимъ на размышленія является и общій характеръ малолѣтней преступности за указанные годы. Познакомимся съ цифрами. Исключивъ двоихъ, о которыхъ не указано, за что попали они въ Подслѣдственное Отдѣленіе Пріюта, изъ 325, такимъ образомъ, 302 обвиняются въ кражѣ; 23 попали по иному поводу—8 изъ нихъ за бродяж-

ничество и нищенство и беспаспортность, конечно, 2 за подлогъ, 2 за растрату вещей изъ Работнаго Дома, 1 по подозрѣнiю въ подлогѣ, 1 за покушенiе на кражу, 1 за срыванiе дверныхъ карточекъ, 1 за ночевку въ чужомъ сараѣ, 1 за побой, нанесенные отцу и 4 по просьбѣ матерей, исправленiя ради.

Изъ 302, которымъ вѣмѣняется въ вину кража или кражи, 49 себя виновными не признаютъ, утверждая, что они не больше, какъ жертва недоразумѣнiя. что подозрѣваютъ ихъ напрасно. Остальные 253 прямо сознаются въ совершенномъ и отъ кражъ не отказываются.

Какъ видно, почти исключительный характеръ преступленiй, приведшихъ въ Прiютъ, имущественный. Это кражи, кражи и кражи безъ конца. Въ связи съ тѣмъ, что было ужъ говорено объ общемъ матеріальномъ недомоганiи семей, откуда эти мальчики вышли, въ связи съ тѣмъ, что ни одна семья, хотя бы просто состоятельная, не богатая, не дала за всѣ семь лѣтъ ни одного ребенка въ общую массу населенiя Прiюта и Отдѣленiя, этотъ характеръ лѣтской преступности становится до болѣзненной ясности понятнымъ. Разумѣется, и богатые рождаются рахитиками, даже чаще, чѣмъ небогатые, дегенератами, иммораликами. Разумѣется, скамья подсудимыхъ, въ концѣ концовъ, принимаетъ на себя не только представителей общественныхъ низовъ. Но здѣсь, эти цифры голодныхъ въ большинствѣ кражъ, на что вынуждаетъ жизнь не мужчину, не взрослога, а ребенка, не рѣдко 10—12 лѣтъ, здѣсь эти цифры рождать тягостное впечатлѣнiе какого-то туника, въ который уперлась эта дѣтвора,—не вся, а опредѣленныхъ лишь слоевъ. Туника, который, очевидно, вынуждаетъ съ необходимостью на преступность, если можно такъ назвать этотъ, къ сожалѣнiю, мало слышимый крикъ жизни, преступность, ярко окрашенную все тѣмъ же недостаткомъ матеріальнымъ. Иначе, откуда же могло взяться 302 случая изъ всѣхъ 325. И остальные 23 случая, и изъ

нихъ часть должна быть отнесена къ преступленіямъ имуще-
ственнымъ (растрата, подлогъ, мошенничество, нищенство).
Въ этомъ случаѣ цифры говорятъ за себя. Оттѣвить выпуклѣе
отличительный характеръ совершенныхъ воспитанниками пре-
ступленій было бы трудно. Мотивы, причины, которыя могутъ
играть и играютъ руководящую роль, придавая специфиче-
скую окраску всей преступности, здѣсь также ясны. Онѣ
тѣ же и раньше еще намѣчались, когда приходилось говорить
объ общемъ положеніи мальчиковъ. Нѣтъ грабежей, нѣтъ
убійствъ—къ счастью, конечно, потому что эти виды пре-
ступности свидѣтельствуютъ куда о большемъ, чѣмъ жизнен-
ная среда, голодная и холодная обстановка.

Преступная исторія, т. е. тотъ процессъ, благодаря ко-
торому ребенокъ превращается въ подсудимаго, съ серьезными
иногда нарушеніями уголовныхъ законовъ, это исторія не-
большая и, пожалуй, ясная. Начинаютъ, конечно, съ начала:
съ маленькаго, съ простого часто лакомства. Первымъ объ-
ектомъ первыхъ выступленій служатъ вещи и деньги матери,
какого-нибудь дяди, тетки, другихъ домашнихъ, квартирантовъ.
Понемногу, подъ вліяніемъ извѣстной, образовавшейся при-
вычки свои потребности удовлетворяютъ такимъ путемъ, подъ
вліяніемъ того обстоятельства, что дома не рѣдко нечего
стащить чего-либо болѣе или менѣе цѣннаго, дѣятельность
расширяется, переносится за предѣлы домашней обстановки.
Туть-то какъ разъ и подоспѣваютъ товарищи - компаніоны.
Вліянію и роли послѣднихъ нужно отвести громаднѣйшее
значеніе въ малолѣтней преступности. Потому что нѣтъ
почти ни одного воспитанника, который бы рѣшился на свое
дѣло исключительно самъ по себѣ, только бы одинъ заду-
малъ и только одинъ осуществилъ какое-нибудь преступленіе.
Такихъ прямо единицы; всѣ остальные начали и продолжали
свою дѣятельность въ сообществѣ съ другими. Образуется
сама собой маленькая естественная шайка воришекъ, есте-
ственная потому, что это, собственно, товарищество дѣтскихъ

игръ и только затѣмъ, позднѣе, они становятся товарищами и по занятіямъ. Новичекъ сначала играетъ пассивную роль; на первыхъ порахъ онъ только сторожить или дѣлаетъ, что скажутъ ему другіе. Эта привычка не дѣйствовать въ одиночку надолго сохраняется; достигши большій познаній въ своемъ дѣлѣ, ставъ настоящимъ профессионаломъ, не одинъ изъ нихъ продолжаетъ заявлять, что въ одиночку до сихъ поръ не рѣшался дѣйствовать, боялся. Товарищи и товарищи все время; она въ началѣ карьеры, которая иногда прерывается съ перваго же выступленія, они же и во все время продолженія ея. Первое знакомство съ ними на улицахъ, на бульварахъ, во время игръ. Не разъ они же, товарищи, соблазняютъ новичка покинуть и мѣсто, прельщаютъ разсказами о хорошей добычѣ, хорошей ѣдѣ и, главное, разсказами о свободной жизни, о «волѣ», какъ выражаются мальчики, разсказывая свою исторію. Всѣ эти прелести доставить якобы Хитровъ Рынокъ и т. п. мѣста пристанищъ. Уговоры дѣйствуютъ: дома живется не сладко и всегда голодно, у хозяина на мѣстѣ и того хуже. Рѣшимость назрѣваетъ и въ скоромъ времени приносить свои плоды.

Меньшую долю значенія въ развитіи преступныхъ склонностей нужно отнести мастерамъ, а то и хозяевамъ заведенія, гдѣ служить мальчикъ. Указанія на тѣхъ и на другихъ падаются, и нельзя сказать, чтобы очень рѣдко. Въ однихъ случаяхъ, по словамъ мальчиковъ, эти старшіе подговаривали, въ другихъ—прямо принуждали. Нѣтъ совсѣмъ ссылокъ на родителей, за исключеніемъ двухъ всего случаевъ, когда первое внушеніе и первый примѣръ воровства преподаны были отъ родителей. Однако, эти двѣ семьи, судя по разсказамъ, были таковы, что ихъ съ полнымъ правомъ можно вычеркнуть, двѣ типичныхъ воровскихъ семьи, гдѣ пьянство, развратъ и все остальное свили себѣ прочное гнѣздо. Положеніе дѣтей въ нихъ вовсе не было, какъ положеніе, именно, дѣтей и членовъ семьи; къ нимъ относились въ лучшемъ

случаѣ безразлично, иногда лишь видя въ нихъ необходимыхъ пособниковъ. Вообще же на родителей нѣтъ ссылокъ; жалуются часто на нелюбовь, тяжелое обращеніе, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, побои, отъ чего всегда мальчикъ, въ концѣ концовъ, сбѣгаетъ изъ дому.

Москва даетъ пріютъ всѣмъ таковымъ. Хитровъ, Смоленскій рынки, всевозможныя ночныя чайныя, иногда просто чужой пустой сарай, ворота чьего-либо дома, вотъ обычныя мѣста, гдѣ спасаются на ночь и гдѣ ихъ, какъ новичковъ, натаскиваютъ другіе, поопытнѣй. Днемъ же, разумѣется, бродятъ, гдѣ придется, вѣрнѣе, гдѣ добычи больше. Нужно отмѣтить, при этомъ, одну характерную особенность рассказовъ мальчиговъ объ ихъ бродячей жизни. Они совсѣмъ почти не упоминаютъ о нищенствѣ; межъ тѣмъ, въ ихъ положеніи, особенно, положеніи безработныхъ—а таковыхъ, какъ увидимъ ниже, среди нихъ очень значительный ⁰/₀, въ ихъ положеніи этотъ видъ пропитанія долженъ былъ бы играть видную роль. Задержано за нищенство также очень немного (8 человекъ—Рук. Пр.), чтобы можно было этому умолчанію не придавать никакого значенія. Вѣроятно, играетъ здѣсь роль то обстоятельство, что и инымъ путемъ, путемъ того же воровства, представляется возможность добыть въ Москвѣ приличное содержаніе. Съ другой стороны, объ этомъ есть смыслъ и умолчать: нищенствомъ труднѣе позировать и хвататься, что мальчики очень любятъ, особенно на первыхъ порахъ, этимъ не такъ легко вызвать эффектъ, чѣмъ своеобразной, «трудоной» жизнью хитровца. Въ послѣдней масса интересныхъ красочныхъ моментовъ, и вся она вообще носить боевой характеръ, придавая жрецамъ своимъ извѣстный ореолъ,—въ ихъ хотя бы собственныхъ глазахъ. Даже среди малолѣтнихъ Отдѣленія, куда направляются всѣ задержанные попрошайки и бродяги, даже здѣсь изъ 83 только 23 говорятъ про себя, что «стрѣляли» до поступленія. Можно, однако, съ несомнѣнностью сказать, что ⁰/₀ этихъ бывшихъ

стрѣлковъ куда значительнѣе среди тѣхъ же хотя бы воспитанниковъ Пріюта; вѣроятно, не малая часть ихъ пользовалась симъ почтеннымъ занятіемъ, особенно, въ голодные или неудачные періоды. Но говорятъ они объ этомъ все-таки очень немного. Быть можетъ, и гордость босяка мѣшаетъ этому.

Затѣмъ, еще одно характерное, въ связи съ этимъ, приходится отмѣтить обстоятельство. Въ то время, какъ нѣтъ упоминанія о родителяхъ, чтобы они посылали ребенка красть, сравнительно, часто попадаются заявленія о томъ, что нищенствовали съ матерью или прямо посылались послѣдней за подавнѣемъ, попрошайничать.

Какъ высшій типъ, достигшій своего должнаго развитія и необходимой отдѣлки, чуть не художественной, мы имѣемъ карманника. Правда, ухитряются быть и громилами, довольно серьезными даже, и въ 13—14 лѣтъ наводятъ страхъ на цѣлую округу. Но такіе рѣдки, они интересное исключеніе, только. Большинство промышляетъ небольшимъ; при случаѣ, конечно, не отказываются и отъ крупной поживы, но вообще-то не брезгаютъ ничѣмъ. Интересно при томъ, что, какъ на первые опыты кражъ, мальчики указываютъ, помимо того, что говорилось ужъ о хищеніяхъ изъ родного дома, на кражи бѣлья съ чердаковъ и домашней всякой птицы. Типичнымъ же вообще видомъ кражъ являются кражи всякихъ узловъ, корзинъ и т. п. съ задовъ извозчичьихъ пролетокъ. Это, положительно, излюбленный видъ воровской дѣятельности,—можетъ быть, потому, что и болѣе удобный, въ смыслѣ безопасности.

III. Типы дѣтей-преступниковъ. Поведеніе ихъ въ Пріютѣ (и Отдѣленіи) въ смыслѣ исправимости. Рецидивъ.

Все сказанное, однако, нельзя считать характернымъ для всѣхъ воспитанниковъ, по той простой причинѣ, что не

всѣ и послѣдніе одинаковы. Трудно было бы намѣтить категоріи или типы малолѣтнихъ преступниковъ на основаніи лишь бумажныхъ о нихъ документовъ, хотя бы и возможно вѣрныхъ и подробныхъ. Необходимо было бы личное знакомство съ мальчиками, и не поверхностное только, а въ полномъ смыслѣ слова ихъ изученіе. Но даже и въ послѣднемъ случаѣ остается слишкомъ обширное поле для субъективныхъ оцѣнокъ. Стоитъ вспомнить только, какая масса предложена и теоретиками, и практиками классификацій взрослыхъ преступниковъ. Единой же, общепризнанной, и до сей поры не существуетъ; несмотря на то, что по отношенію къ взрослымъ легче сговориться и легче найти объективные признаки, въ силу ужъ того, что сами объекты классификаціи представляютъ нѣчто болѣе или менѣе опредѣленное, установившееся. Въ данномъ же случаѣ, передъ нами ребенокъ, у котораго зачастую много просто-на-просто дѣтскаго, ничуть не характернаго, ни для него самого, ни для его занятій, положенія. Много не установившагося, что черезъ два-три, быть можетъ, года, съ возрастомъ, исчезнетъ и у самого «типа» вызоветъ, при воспоминаніи, не болѣе, какъ усмѣшку.

Такъ труденъ этотъ вопросъ даже для лицъ, постоянно соприкасающихся съ дѣтскимъ міромъ, знающихъ его. Тѣмъ болѣе рискована подобная задача для того, кто знакомъ съ преступными дѣтьми черезъ вторыхъ, такъ сказать, руки и у кого имѣются въ лучшемъ случаѣ лишь бумаги о воспитанникахъ, хотя бы и очень добросовѣстныхъ. Это, конечно, не значитъ, чтобы даже изъ рассказовъ тѣхъ же мальчиковъ о самихъ себѣ, помямо ужъ воспитательскихъ о нихъ характеристикъ, не намѣчалось нѣсколько болѣе или менѣе объективныхъ признаковъ, могущихъ служить основаніемъ для того или иного дѣленія. Тѣмъ менѣе, разумѣется, можетъ идти рѣчь о томъ, чтобы всѣхъ воспитанниковъ слить въ одну массу, подвести ихъ подъ одну рубрику. Вопросъ лишь въ томъ, что на основаніи не личнаго съ мальчиками знакомства,

а лишь данныхъ о нихъ, записанныхъ опять-таки другими, причемъ по отношенію къ послѣднимъ трудно допустить, что они безусловно удержались отъ субъективныхъ замѣчаній— на основаніи такого матеріала можно составить или намѣтить лишь въ высшей степени грубое дѣленіе. До такой степени грубое, что лица, которымъ ежедневно приходится имѣть дѣло съ этой массой, откажутся, быть можетъ, признать его, какъ явно неприложимое, въ силу своей схематичности, къ дѣлу постоянного общенія, тѣмъ болѣе воспитанія.

Наша задача уже: не выходя на широкую дорогу личныхъ впечатлѣній, изъ чисто фактическаго характера данныхъ почерпнуть признаки, присущіе одной группѣ, не встрѣчающіеся у другой, и наоборотъ. Наиболѣе цѣннымъ для этого матеріаломъ являются тѣ же біографіи воспитанниковъ. Можно только пожалѣть, что далеко не всѣ онѣ за указанные годы представляютъ въ этомъ отношеніи интересъ, благодаря чрезвычайной иногда краткости и сухости. Между тѣмъ что преимущественно вводитъ насъ въ понятіе о томъ, съ кѣмъ, съ какимъ типомъ мы имѣемъ дѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ это біографіи мальчика. Жизнь послѣдняго до Пріюта или Отдѣленія, исторія его преступленія или преступленій—лучшіе признаки его. При всемъ разнообразіи, такъ какъ каждая, въ концѣ концовъ, біографія есть индивидуальная біографія и каждая по-своему передаетъ ту жизненную трагедію, которая довела героя ея до Пріюта, при всемъ этомъ разнообразіи скоро, однако, глазъ привыкаетъ улавливать нѣчто общее между отдѣльными разказами. Оговариваюсь снова, что это очень грубая схема, но сравнительно быстро намѣчаются двѣ категоріи или два, пожалуй, типа воспитанниковъ. Первые, это тѣ, которыхъ можно назвать профессионалами, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, или привычными; вторые—ихъ противоположность, рѣзко отъ нихъ отличные новички или случайные преступники.

Нужно, при этомъ, опять замѣтить, что такая класси-

фикація дѣлается въ виду нашей цѣли, для различенія преступныхъ именно типовъ, но совсѣмъ не съ точки зрѣнія воспитательной; иначе пришлось бы остановиться на совершенно иномъ критеріи, болѣе подходящемъ для такой задачи. Въ Отдѣленіи малолѣтнихъ, напримѣръ, когда имѣется въ виду только одна воспитательно-исправительная цѣль, мальчики дѣлятся по другому совсѣмъ признаку: по степени умственнаго развитія. Проявленія такового могутъ быть различны у каждаго изъ мальчиковъ, стоящихъ на одной ступени, смотря по характеру, напримѣръ, и другимъ условіямъ личнымъ, но для воспитателя важенъ тотъ фундаментъ, или тѣ данныя, отъ которыхъ извѣстный субъектъ каждый разъ въ своихъ поступкахъ отправляется. И сообразно наличности имѣющагося уже развитія воспитанники и дѣлятся по группамъ. Тогда воспитатель знаетъ, на какомъ языкѣ съ какой группой онъ можетъ говорить такъ, чтобы его поняли. Такой методъ оригиналенъ и, несомнѣнно, практиченъ, но насъ онъ можетъ интересовать лишь мимоходомъ, такъ какъ мы каждаго воспитанника вынуждены разсматривать подъ особымъ угломъ зрѣнія. Для насъ онъ прежде всего преступникъ; и мы различаемъ всѣхъ ихъ именно для того, чтобы опредѣлить, какая часть ихъ обѣщаетъ стать рецидивистами, какая подаетъ надежды сдѣлаться пригодными членами общегитія; для насъ важно, какая часть ихъ, дѣйствительно, социальная опасность, какая—просто социальная жертва. А при такихъ задачахъ всего удобнѣе оперировать старыми, привычными терминами: при всей ихъ непригодности и неприложимости къ преступнымъ хотя бы, но все же дѣтямъ, подобные термины наилучшимъ образомъ вводятъ насъ въ пониманіе массы пвтомцевъ Пріюта и Отдѣленія.

Итакъ, мы широко подѣлили населеніе Пріюта на профессионаловъ и случайныхъ. Послѣдняя группа почти не поддается дальнѣйшему дѣленію, она приблизительно однородна и одинакова, въ смыслѣ какъ внѣшней, такъ сказать, исто-

ри мальчиковъ, составляющихъ ее, такъ, главнымъ образомъ, и въ смыслѣ мотивовъ или, вѣрнѣе, причинъ, обусловившихъ преступность. Наоборотъ, первая группа объединяетъ въ себѣ довольно разнородные элементы, у которыхъ часто общее межъ собой одно—противоположность тѣмъ, которыхъ мы окрестили случайными. Съ одной стороны, сюда входятъ настоящіе представители Хитрова рынка, разбитной, веселый народъ, и самый, конечно, опасный. Разказъ ихъ толковъ и ясенъ, пересыпанъ массой дѣльныхъ замѣчаній, остроумныхъ выпадовъ. Портить, пожалуй, впечатлѣніе отъ нихъ, какъ отъ хорошихъ, милыхъ собесѣдниковъ, излишнее хвастовство: нетрудно, въ общемъ, уловить ту грань, за которой, дѣйствительно, любопытная, богатая исторія разказчика переходитъ въ фантазію на тему, какой онъ молодецъ и что онъ въ состояніи сдѣлать. На исправленіе ихъ надѣяться трудно; у нихъ своя система міропониманія, своя философія житейскихъ отношеній. Они знаютъ все, и не на невѣдѣніи, что худо и что хорошо, основана ихъ дѣятельность. На всякое увѣщаніе у нихъ цѣлый арсеналъ возраженій. Имъ страннымъ кажется, какъ другіе не могутъ понять, что воровать прежде всего «выгоднѣе». Уничтожьте выгоду ихъ промысла,—они, можетъ, согласятся съ вами. Одному изъ такихъ пришла однажды фантазія; побываѣтъ у себя на родинѣ, въ деревнѣ; отдохнуть, вѣроятно. Выбралъ лѣтнее время; жилъ у родныхъ, вмѣстѣ съ ними исправно работалъ, косилъ, пахалъ. За весь этотъ періодъ не совершилъ ни одной кражи, по очень, однако, понятной причинѣ: «нечего было: возьмешь кошелекъ, а онъ пустой». Совѣстно, грѣшно? Для нихъ это ничего не значущія фразы; вѣрнѣе, они вкладываютъ въ нихъ своеобразное содержаніе: «когда попадешься, бываетъ стыдно; а если много украдешь и не попадешься, бываетъ очень весело, ничуть не стыдно».

Часто на совѣсти подобныхъ мальчугановъ еще лежатъ не одна кража или кражи, за ними есть и другія, болѣе

тяжкія дѣянiя—вплоть до убійствъ—оставшіяся неизвѣстными суду. Они способны на все, не останутся ни передъ чѣмъ; сдерживаетъ пока возрастъ и недостатокъ физическаго развитiя. Послѣ—они не замедлятъ показать себя. Преступную жизнь такъ же, какъ и всѣ, могущіе быть занесенными въ первую категорію, они ведутъ давно, не рѣдко съ 8 лѣтъ, сплошь и рядомъ 2—3 года. Съ судимостью по нѣскольку разъ, нѣкоторые успѣли отбыть уже тюремное заключеніе.

Эту группу съ наибольшимъ основаніемъ можно назвать профессионалами въ буквальномъ смыслѣ слова.

Примыкаютъ къ нимъ иногда по образу жизни, чаще по своей также долгой воровской практикѣ мальчики другого характера: питомцы тѣхъ семей, характерной чертой которыхъ можно признать разложеніе, гдѣ ребенку съ самаго рожденiя предстоитъ тяжелая доля воспитываться въ обстановкѣ разврата и непробуднаго пьянства. Печаль наслѣдственности ярко сказывается и на ихъ внѣшности: хилые, болѣзненные, они производятъ тяжелое впечатлѣніе. Съ нихъ трудно спрашивать, зачѣмъ и почему они «такъ» жили: вѣроятно, они не смогли бы дать отвѣта; много они не видѣли, живутъ такъ, какъ живутъ ихъ близкіе. Скорѣе, они похожи на звѣрьковъ, наивныхъ въ своей жестокости и виновныхъ въ томъ лишь, что они родились такими. Нездоровый въ высшей степени во всѣхъ отношенiяхъ элементъ, они тяжелое бремя для всѣхъ, тѣмъ болѣе, что къ нимъ врядъ ли и способно что привиться. Слишкомъ многое требуется и въ воспитательномъ, и въ матеріальномъ чисто отношенiяхъ, чтобы переработать ихъ въ надежныхъ членовъ общегитiя. Отсутствие какихъ бы то ни было устоевъ, дефекты въ области воли и воспримчивости, долгая жизнь чуть не по инстинкту, въ связи съ растройствомъ всего организма, дѣлаютъ ихъ жалкими рабами своего положенiя. Противоестественныя склонности и пороки, педерастiя, онанизмъ; являются характерной чертой ихъ поведенiя въ Пріютѣ. Борьба съ этимъ,

понятно, почти невозможна ничѣмъ инымъ, кромѣ внушенія, но данное средство, особенно на первыхъ порахъ, слишкомъ слабое для всей массы вообще, по отношенію къ этимъ воспитанникамъ тѣмъ менѣе можетъ имѣть силы, что они почти неспособны къ напряженію воли. Ихъ судьба, въ большинствѣ, та же, что и судьба только что охарактеризованной группы; но нѣтъ той увѣренности, сознательности и извѣстной доли энергіи, которыя присущи ихъ товарищамъ. За послѣднихъ нѣтъ основаній и нужды беспокоиться, эти поражаютъ сожалѣніе.

Можно, пожалуй, намѣтить третій элементъ, входящій, какъ составной, въ категорію профессионаловъ. И у этихъ судимость по нѣскольку разъ, и эти ведутъ бродяче-преступную жизнь не недѣлю и не мѣсяць. Есть, однако, въ нихъ что-то, заставляющее ихъ ограничить нѣсколько какъ отъ группы настоящихъ хитрованцевъ, такъ и отъ группы, гдѣ наслѣдственность служить отличительнымъ признакомъ. Они не такъ рѣзко характеризуются, какъ только что названные типы, быть можетъ потому, что допускаютъ дальнѣйшее дѣленіе (въ Рук. Пр., напримѣръ, всѣ воспитанники разбиты по 7 пѣлымъ отдѣленіямъ, но такая дробная группировка врядъ ли можетъ представлять особый интересъ внѣ воспитательныхъ задачъ). Нѣтъ яркихъ данныхъ, могущихъ быть приписанными только имъ; не приложимы къ нимъ, однако, вполне и тѣ замѣчанія, которыя пришлось сдѣлать относительно указанныхъ группъ. Несомнѣнно, что клептоманія сыграла довольно видную роль въ ихъ судьбѣ. Иногда, безъ всякихъ, повидимому, причинъ они начинаютъ свою воровскую карьеру и такъ же ее продолжаютъ. Воруютъ дома, воруютъ въ школѣ, у знакомыхъ. Увѣщанія не дѣйствуютъ, побои и наказанія отца приводятъ къ тому, что мальчикъ изъ дому убѣгаетъ. Его возвращаютъ, иной разъ самъ приходитъ, и такъ повторяется нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока неудачное выступленіе не приводитъ сначала въ руки полиціи и судьи, а затѣмъ и въ Пріютъ.

Они совѣмъ не прочно увѣрены въ своей дѣятельности, и наряду съ чисто воровскимъ жаргономъ оправданія ея, у нихъ прорывается: «ѣсть было нечего» или что-либо еще въ этомъ родѣ. Это ихъ и выдаетъ. Но ихъ нельзя причислить и къ тѣмъ новичкамъ, которые приводятся въ Приютъ дрожащіе, съ заплаканными глазами. Послѣдніе часто буквально новички; у этихъ же богатое прошлое, въ ихъ намѣреніяхъ и ловкости сомнѣваться трудно, а длинный рядъ всевозможныхъ хищеній убѣждаетъ въ томъ, что приходится имѣть дѣло съ опаснымъ карманникомъ.

Объединяетъ эти три группы въ одну общую характеръ ихъ преступности, по сравненію съ преступностью случайныхъ, новичковъ. У послѣднихъ иные мотивы, иная психологія. Ихъ преступность не носить такого злостнаго, професіональнаго вполне характера, какъ дѣятельность первыхъ. Именно,—дѣятельность, потому что ничѣмъ инымъ нельзя назвать это систематическое воровство и такое же систематическое ученіе дальнѣйшимъ, болѣе серьезнымъ формамъ уголовныхъ нарушеній, это проникновеніе професіональной гордостью, духомъ касты, что ничуть не приложимо къ категоріи случайныхъ (Здѣсь необходимо оговорится относительно термина «случайный». Предыдущее, такъ же какъ и послѣдующее изложеніе говорятъ за то, что случайность, въ видѣ цѣлаго ряда неблагоприятныхъ вліяній, почти граничитъ въ данномъ случаѣ съ необходимостью. Этотъ терминъ «случайный» берется какъ наиболѣе рѣзкое противопоставленіе термину «професіональный» и буквального значенія никоимъ образомъ имѣть не можетъ). Эта категорія новичковъ набирается, собственно говоря, изъ порядочныхъ мальчугановъ. Особой испорченности, выдѣлявшей бы ихъ изъ непроступной массы одинаковыхъ условій и одинаковаго положенія, за ними замѣтить нельзя. Одни изъ нихъ—жертва собственной неопытности и неосторожности, другіе—результатъ того плачевнаго состоянія, въ которомъ они съ того времени, какъ

начинають себя помнить. У нихъ мы не встрѣтимъ и намека на что-либо специфически-преступное. Ихъ исторія— исторія всякаго другого мальчика ихняго же круга. Напрасно мы стали бы отыскивать въ ихъ біографіяхъ интересныхъ эпизодовъ, въ ихъ психологіи что-либо отличное, оригинальное. Ихъ исторія коротка и ясна; задумываться надъ ней не приходится и вопросовъ въ родѣ того, какъ могъ образоваться подобный типъ, подобный характеръ—она никогда не возбуждетъ, такъ что съ этой, условно,—такъ сказать, романической стороны ихъ біографіи интереса представить не могутъ. За то всё онѣ характерны въ томъ отношеніи, что, повторяя каждая одну почти и ту же исторію, будучи очень однообразными, онѣ бьютъ навѣрняка, т. е. замѣчательно убѣдительно рисуютъ картину того, какъ легко стать преступникомъ, особенно ребенку, если нищенски проживать на тяжелымъ трудомъ добытые гроши.

Такихъ мальчиковъ, къ счастью, если не большая часть всѣхъ воспитанниковъ, то, во всякомъ случаѣ, половина. Къ счастью потому, что они, строго говоря, единственные, на кого Пріютъ и всякое иное исправительное заведеніе можетъ рассчитывать. При всѣхъ ихъ слабостяхъ, недостаткахъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ очень и очень значительныхъ, у нихъ нѣтъ стремленія къ уличной, воровской жизни; часто они глубоко, со слезами, сожальютъ, раскаиваются, что могли допустить такой съ собой случай. Ихъ сильно смущаетъ, что скажутъ о нихъ мать, отецъ, родные, когда узнаютъ, гдѣ они и за что. Всѣ почти они возбуждаютъ глубокую къ себѣ симпатію своей судьбой.

Они легко подчиняются режиму Пріюта, обнаруживаютъ восприимчивость къ добрымъ вліяніямъ и даютъ увѣренность и надежду всѣмъ, кто съ ними, что заботы о нихъ не пропадутъ даромъ; всѣмъ своимъ поведеніемъ они обѣщаютъ исправиться и стать хорошими работниками.

Такъ, въ общихъ самыхъ чертахъ, можно подѣлить и охарактеризовать населеніе Приюта и, отчасти, Отдѣленія. Въ связи съ этими группировками и характеристиками стоитъ и весьма важный вопросъ о поведеніи мальчиковъ въ самихъ этихъ заведеніяхъ, въ частности, въ Приютѣ, въ смыслѣ исправимости.

Нужно замѣтить здѣсь, что о каждомъ мальчикѣ ведется довольно подробная запись во все время пребыванія его въ Приютѣ (то же и въ Отдѣленіи, но нѣсколько иначе). Въ-стѣ съ характеристиками, составляемыми, приблизительно, по одному плану, записывается каждый поступокъ воспитанника, какъ хорошій, такъ и дурной, а также и тѣ награды и наказанія, какія выпадаютъ за это на его долю. Независимо отъ такихъ кондуитовъ, идутъ работа и обученіе мальчика во всевозможныхъ мастерскихъ; здѣсь, конечно, главную роль играетъ степень усвояемости ученикомъ того ремесла, къ которому онъ опредѣленъ, и потому здѣсь переходъ изъ одного класса въ другой не рѣдко наблюдается при весьма большомъ количествѣ проступковъ, занесенныхъ воспитателемъ въ кондуитный листокъ, хотя проступки въ мастерскихъ относятся также къ общему поведенію.

Отмѣченными уже наградами и наказаніями создается система поощреній, въ видѣ, главнымъ образомъ, степеней довѣрія, оказываемаго воспитаннику. Начинаютъ послѣдніе всѣ съ нуля (о степени довѣрія;—обратное въ Отдѣленіи); при хорошемъ поведеніи указанная степень повышается до 1, 2, 3 и т. д., причеиъ, поступки влекутъ за собой пониженіе достигнутой степени довѣрія, иногда съ 5, 6 снова до 0,—въ серьезныхъ, конечно, случаяхъ.

Проступки эти, равно какъ и заслуживающее наградъ поведеніе сказывается въ однообразныхъ довольно формахъ. Чаще всего заносятся грубость, дерзость съ воспитателемъ, дядькой, мастеромъ, матерная ругань, ослушаніе, драка съ товарищами, недовольство пищей. И особенно часто, отно-

сительно, разумѣется, попадаютъ, въ качествѣ проступковъ, педерастія, онанизмъ или попытки къ этому (одинъ разъ даже скотоложство, въ Отдѣленіи). Это, кажется, специальное зло, бороться съ которымъ въ высокой степени трудно, даже при иномъ составѣ питомцевъ; зло, общее, положимъ, всѣмъ закрытымъ заведеніямъ. Не говоря уже о томъ, какое отрицательное значеніе имѣютъ подобнаго рода привычки въ воспитательномъ отношеніи, деморализуя совершенно подверженныхъ имъ, возможны и прямыя послѣдствія, вродѣ слѣдующаго. Одинъ воспитанникъ, убѣгая изъ Приюта, оставляетъ такую записку: «Дорогая мамаша, простите меня, но я жить больше въ Приютѣ не могу. Ко мнѣ пристають мальчики, всѣ съ безобразіями; въ Приютѣ у насъ они есть. Я не соглашаюсь, за то и бьютъ». Эта записка въ этотъ побѣгъ говорить сама за себя. А сколько такихъ «за то и бьютъ» остается неизвѣстными?

Еще меньшимъ разнообразіемъ отличаются хорошіе поступки. Вѣрнѣе, ихъ, за небольшими исключеніями, нѣтъ. А если и случаются, то, вѣроятно, въ большинствѣ ихъ поглощаетъ отмѣтка «проступковъ не было». Однообразіе это понятно: жизнь въ четырехъ стѣнахъ, безъ внесенія въ нее чего-либо новаго, со стороны, съ улицы, скоро застываетъ, превращаясь почти въ повинность, лишенную яркихъ моментовъ. Она сама страшно однообразна; отсюда и отмѣченное поразительное однообразіе и хорошихъ и дурныхъ поступковъ. Правда, не всегда удается насильно втиснуть жизнь въ опредѣленные рамки, и знаменитый бунтъ въ 1905 году лучшее этого подтвержденіе. Но послѣднее все же не характерно для приютскаго проживанія, это было лишь разъ. Обычно тамъ тишь да гладь; вѣшне, по крайней мѣрѣ. Выгодно въ этомъ отношеніи выдѣляется Отдѣленіе, гдѣ воспитанники пользуются значительной свободой; но тамъ другія условія и другой— въ части—составъ мальчиковъ.

Какъ мы уже замѣтили, въ Приютѣ существуетъ, въ

качествѣ стимулирующей къ исправленію, система поощреній. Приходится признать, что эта система съ первыхъ же шаговъ своихъ сильно мѣшаетъ, съ одной стороны, настоящему исправленію, съ другой, возможности знать, дѣйствительно ли мальчикъ поддается какимъ-либо воздѣйствіямъ. Развивается въ сильнѣйшей мѣрѣ лицемѣріе. Мальчикъ скоро усваиваетъ и великолѣпно начинаетъ понимать, что для него очень и очень выгодно зарекомендовать себя предъ воспитателемъ съ лучшей стороны: это повлечетъ за собой нашивки на плечи, лишніе прогулки, отпуска даже домой и т. п. Отсюда выводъ: если на самомъ дѣлѣ не хочется или не можетъ быть хорошимъ, такъ нужно казаться таковымъ. Послѣднее не Богъ вѣсть какое трудное дѣло для человѣка опытнаго, и система начинаетъ приносить плоды: мальчикъ становится хорошимъ. Конечно, это не общее положеніе; быть можетъ, это относится къ меньшинству только. Но оно есть, и характеристики воспитателей, сплошь и рядомъ отмѣчающія притворство, лживость, настойчиво въ этомъ убѣждаютъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, насколько трудно судить объ исправимости воспитанниковъ, пока они въ Пріютѣ. Не столько потому трудно, что мальчикъ съ самаго начала попадаетъ въ обстановку, гдѣ, по всѣмъ расчетамъ, выгоднѣе лицемѣрять, сколько потому, что пока онъ въ Пріютѣ, онъ не больше, какъ тепличное растеніе. Онъ внѣ жизни еще, а экзаменуетъ-то послѣдняя. Поэтому, какъ бы мальчикъ хорошо ни велъ себя, въ лучшемъ случаѣ, онъ подаетъ лишь надежды, что способенъ исправиться и въ состояніи примѣнить на практикѣ то хорошее, чему его учили въ Пріютѣ или Отдѣленіи. До него не доносится пока шумъ жизни, и она его пока не волнуетъ: у него свой здѣсь, въ Пріютѣ, міръ,— мало, къ сожалѣнію, похожій на тотъ, который за стѣнами Пріюта.

Разумѣется, было бы неосновательно отрицать извѣстное значеніе за поведеніемъ воспитанника въ самомъ заведеніи. Нельзя только придавать этому поведенію роль опредѣляющаго, рѣшающаго вопросъ объ исправимости признака; послѣднее было бы возможно, но при условіи, чтобы всѣ заведенія подобнаго типа не сторонились бы того, къ чему они готовятъ своихъ питомцевъ—жизни, не становились бы, хотя и воспитательной, и исправительной и т. д., но все же тюрьмой. Кажется, этимъ особенно грѣшитъ Рукавишниковскій Пріютъ; раньше мы указывали уже на отличіе въ этомъ отношеніи Отдѣленія малолѣтнихъ.

Большое сдерживающее значеніе всякое заведеніе такого типа, несомнѣнно, оказываетъ; это видно изъ тѣхъ же кондуитовъ Рук. Пр.—никто изъ мальчиковъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не кончаетъ тѣмъ же, съ чего началъ, нулемъ. Не рѣдкость встрѣтить и 5-ю и 6-ю степени довѣрія, меньше 3-ей рѣдко кто попадаетъ. Эти отмѣтки говорятъ многое: извѣстный, иногда очень большой даже результатъ безусловно достигается, путемъ также иногда весьма большихъ усилій. И этимъ результатомъ воспитатели вправѣ гордиться, онъ стоитъ имъ самимъ не мало: въ Отдѣленіи былъ случай, когда поступилъ новый воспитатель, только что покинувшій громадную сельскую школу, гдѣ у него одного, безъ помощника, на рукахъ было до 80 ребятшекъ. Маленькая группа въ 30 человекъ, которую ему дали въ Отдѣленіи, сомнѣній въ немъ не вызвала: «У меня было 80»... Не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ просилъ завѣдующаго освободить его отъ занятой имъ должности: «на этихъ 30 у меня выходитъ больше энергіи, чѣмъ на тѣхъ 80»...

Но все-таки результаты достигаются; и въ извѣстной мѣрѣ эти результаты ручаются и за будущее. Только, однако, въ извѣстной мѣрѣ, особенно по отношенію къ той категоріи, какую мы назвали выше категоріей привычныхъ. Имѣя дѣло съ ними, часто приходится исходить изъ того

предположенія, что подобные типы почти не поддаются исправленію, что, въ крайнемъ случаѣ, лишь часть изъ нихъ можетъ поддаться доброму воздѣйствію; они почти всегда будущіе рецидивисты, исправятъ которыхъ лишь исключительно благопріятныя условія.

Документы «Общества Попечительства надъ бывшими воспитанниками Московскаго Городскаго Рукавишниковскаго Пріюта» иллюстрируютъ только что сказанное цѣлымъ рядомъ данныхъ. Послѣднія таковы. Выпущено воспитанниковъ изъ Пріюта и принято, слѣдовательно, на понеченіе «Общества» за то же пятилѣтіе (1903—1907 г.г.) 192 человекъ. Очень многихъ выпущенныхъ «Общество» тутъ же потеряло изъ виду и о нихъ никакими свѣдѣніями не располагаетъ. Можно не безъ основаній предположить, что судьба этихъ, не пожелавшихъ дать знать о себѣ, не особенно блестяща, въ смыслѣ ихъ поведенія, и закончилось, вѣроятно, тюремнымъ заключеніемъ. Иначе нѣтъ никакихъ расчетовъ о себѣ умалчивать, такъ какъ и здѣсь установлена та же система поощреній, вплоть до достиженія бывшими воспитанниками Пріюта совершеннолѣтія, т. е. въ продолженіе трехъ, отъ 18 до 21, лѣтъ, когда они считаются находящимися подъ покровительствомъ Общества. Но обратимся къ тѣмъ, о коихъ извѣстно. Оказывается, успѣло впасть въ рецидивъ, только за трехлѣтіе, когда о нихъ собираются свѣдѣнія, 49 уже человекъ, причемъ по отношенію къ отдѣльнымъ годамъ % впавшихъ въ рецидивъ принимаетъ весьма серьезные размѣры; такъ, изъ 36 человекъ, выпущенныхъ Пріютомъ въ 1903 году, у Общества имѣются справки о судимости, окончившейся тюремнымъ заключеніемъ, цѣлыхъ 13 человекъ; изъ 45 выпуска 1906 года—15 человекъ, четверо изъ которыхъ выпущены досрочно. Если принять еще во вниманіе то указанное выше обстоятельство, что о многихъ у Общества нѣтъ свѣдѣній, и что судьба этихъ «неизвѣстныхъ» не возбуждаетъ сомнѣній, мы въ правѣ сдѣлать тотъ отсюда вы-

водъ, что дѣйствительно исправившихся, вѣрнѣе, не впадшихъ въ рецидивъ, наберется не больше 50⁰/о (и здѣсь опять приходится отдать предпочтеніе «Отдѣленію малолѣтнихъ», рецидивъ воспитанниковъ котораго—бродяжничество, съ которымъ, пожалуй, еще труднѣе бороться, не превышаетъ 20—25⁰/о, т. е. приближается къ нормальному ⁰/о (20⁰/о), даваемому воспитанниками образцовыхъ исправительныхъ заведеній Швейцаріи и Финляндіи).

50⁰/о—цифра громадная, сводящая почти собственно на вѣтъ дѣятельность и значеніе Пріюта, какъ исправительнаго заведенія, если бы не помогли немного разобраться въ этомъ явленіи намѣченные и охарактеризованные нами выше типы воспитанниковъ. Если мы прослѣдимъ обратную исторію впадшихъ въ рецидивъ, т. е., взявъ исходнымъ пунктомъ справку объ ихъ судимости по выходѣ уже изъ Пріюта, мы заглянемъ въ ихъ пріютскіе кондуиты, просмотримъ ихъ біографіи, то мы придемъ къ смягчающему нѣсколько первое впечатлѣніе выводу. Мы узнаемъ, что имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, съ тѣми, которыхъ мы признали профессионалами. Не мало изъ нихъ судилось до поступленія въ Пріютъ, очень многіе вели преступную жизнь, сравнительно, долгое время; мало хорошаго объщаетъ поведеніе ихъ и въ самомъ Пріютѣ: почти всѣ они надѣляются отрицательными характеристиками, большая часть кончаетъ съ невысокой степенью довѣрія. Извѣстную долю, однако, сдѣлавшихся рецидивистами, безусловно, должно отнести къ категоріи новичковъ; относительно нихъ приходится заключить, что это одни изъ тѣхъ, которымъ не подъ силу бороться съ жизнью; они слабѣе ея, и при первомъ натискѣ падаютъ побѣжденными.

Много мѣшаетъ мальчикамъ удовлетворительно устроиться по выходѣ изъ Пріюта ихъ, несомнѣнно, характеръ. Всѣ они большіе эгоисты, и кондуиты весьма часто отмѣчаютъ это качество. Характерно, что по отношенію даже къ тѣмъ, съ

кѣмъ вмѣстѣ они воровали и съ кѣмъ раздѣляли всѣ прелести уличной жизни (иногда задерживается вся компанія товарищей и мѣликомъ попадаетъ въ Пріютъ), по отношенію даже къ этимъ нельзя у нихъ замѣтить товарищескихъ хорошихъ отношеній, тѣмъ болѣе, особой близости, интимности. Такое равнодушіе сначала поражаетъ, но служитъ затѣмъ къ большому уясненію мелочей ихъ біографій, а ихъ эгоизмъ является прекраснымъ средствомъ понять то неумѣнье устроиться или ужиться на мѣстѣ по окончаніи Пріюта, которое кажется не совсѣмъ нормальнымъ при знаніяхъ, сравнительно, очень порядочныхъ, по ремеслу, что имъ даютъ работы въ мастерскихъ Пріюта. Неуживчивость ихъ отличаетъ; но, разумѣется, не малую роль, помимо характера, играетъ здѣсь и та удаленность отъ жизненной обстановки и непривычка къ послѣдней, какую развиваетъ закрытая пріютская жизнь. Въ среднемъ, мальчикъ проводитъ въ Пріютѣ 3 года (съ 15 до 18 лѣтъ); эти же годы падаютъ какъ разъ на тотъ возрастъ, когда человѣкъ начинаетъ окончательно формироваться, и когда, слѣдовательно, всѣ окружающія условія наиболѣе сильно запечатлѣваются и отражаются на психикѣ.

IV. Вліяніе на преступность условій городской жизни; семейной обстановки; алкоголизма; событій общественной и политической жизни.

Выше указывался составъ воспитанниковъ Пріюта и Отдѣленія по возрасту, сословію, экономическому положенію, грамотности. Указывалось и отмѣнялось также, какое вліяніе могъ имѣть подобный составъ на общій характеръ малолѣтней преступности. Этими указаніями нельзя, однако, ограничиться, такъ какъ обрисовывая отчасти условія, при которыхъ могъ образоваться будущій нарушитель велѣній закона, они, по необходимости, содержатъ лишь общія данныя о составѣ мальчиковъ, не могли касаться ни той обстановки, въ

которой протекло воспитаніе ребенка, ни той среды, гдѣ ему пришлось впослѣдствіи такъ печально закончить свою дѣятельность. Межъ тѣмъ, мы имѣемъ возможность получить интересные данныя для характеристики и этихъ условій. Такъ, мальчики (и Пріюта, и Отдѣленія) задержаны, по мѣсту совершенія преступленія и нищенства, всѣ въ Москвѣ. Родились же въ послѣдней и выросли изъ 313 чѣловѣкъ (о 14 свѣдѣній нѣтъ—Рук. Пр.) лишь 138, т. е. гораздо меньше половины. 21 уроженцы другихъ городовъ, а остальная масса въ 154 челоѣка принадлежитъ по рожденію и дѣтству (приблизительно, въ среднемъ, до 12 лѣтъ) къ селянамъ. То же и въ Отдѣленіи: изъ 83—родившихся въ Москвѣ 42, а 41 также не москвичи, сельскіе, причемъ 5 изъ послѣднихъ прожили въ Москвѣ по нѣскольку всего мѣсяцевъ, меньше года.

Обычно, сельскіе эти уроженцы изъ подмосковныхъ губерній: Рязанской, Владимирской, Ярославской, Калужской, Смоленской, Тульской; изрѣдка попадаютъ изъ болѣе дальнихъ: Орловской, Воронежской, Тамбовской, но очень рѣдко, почти единицы. Такимъ образомъ какъ разъ половина московской дѣтской преступности московской, въ сущности, не является. Москва только мѣсто совершенія, и изъ себя выдѣляетъ меньше 50% всѣхъ дѣтей преступниковъ. Всѣ остальные иногородніе, въ Москву пріѣзжіе. На вопросъ, зачѣмъ послѣдніе попадаютъ сюда, да въ такомъ еще возрастѣ, который не даетъ гарантій цѣлости и сохранности ребенка (10—12 лѣтъ), отвѣчаютъ отчасти вышеприведенныя замѣчанія о профессіяхъ и занятіяхъ родителей, о маломъ количествѣ среди нихъ крестьянъ—хлѣбопашцевъ, отчасти только что указанная близость къ Москвѣ родныхъ имъ губерній. Пріѣзжаютъ сюда мальчуганы на заработки; въ большинствѣ, они уроженцы тѣхъ мѣстностей, гдѣ отхожіе промыслы, какъ средства къ жизни, получили преобладаніе. Нерѣдко можно встрѣтить въ рассказѣ мальчика замѣчаніе о своемъ селѣ въ томъ родѣ,

что «у насъ всѣ москвичи», т. е. всѣ мужчины работаютъ въ Москвѣ, а дома, на родинѣ, остаются лишь семьи, или же все село каждую недѣлю ѣдетъ продавать въ Москву продукты своихъ работъ—всевозможные кустари, веревочники, колесники и т. п.

Дома часто дѣлать нечего, заработать негдѣ. А, главное, соблазняютъ рассказы одпосельчанъ о веселой московской жизни, о возможности легко устроиться на хорошее жалованье и т. д. Соблазняются родные пріятной перспективой обучить мальченка какому-нибудь ремеслу въ Москвѣ, соблазняется особенно самъ мальчикъ Москвой и, получивъ благословеніе и паспортъ, а въ крайнемъ случаѣ, и безъ того и другого, направляется искать счастья. Находится какой-нибудь добрый сосѣдь или родственникъ, захватываетъ, при случаѣ, парнишку и довозитъ до мѣста назначенія. Первое время помѣщается у кого-либо изъ одпосельчанъ-земляковъ, а то и своя какая-нибудь родня есть, пока не выпадетъ какое-нибудь мѣсто «въ мальчики», «въ услуженье». Различныя мастерскія, сапожныя, мѣдныя, шляпочныя, чаще всего служатъ мѣстомъ обученія. Мальчикъ ничего не знаетъ, онъ прямо изъ деревни и сначала, разумѣется, состоитъ только «въ учебѣ», безъ жалованья, обычно, за одежду, содержаніе. Этимъ, собственно, начинается самостоятельная жизнь мальчика; деревня далеко, родные провѣдываютъ рѣдко, при-смотра, конечно, никакого за чужимъ для всѣхъ ребенкомъ; послѣднему приходится смотрѣть за собой, волей-неволей, самому, чтобы не остаться не причемъ. А это случается: маленькая провинность, и хозяинъ съ спокойной совѣстью вышвыриваетъ своего ученика въ полномъ смыслѣ слова на улицу. Какой-нибудь зажитой рубль, другой быстро проѣдаются, а дальше—работы нѣтъ, мѣста, пріюта также нѣтъ. Первый представившійся случай украсть, такъ или иначе, но разрѣшаетъ создавшійся кризисъ. Насколько часто это бываетъ, доказываютъ цифры. Изъ 321 (о 6 указаній нѣтъ—Р. Пр.)

лишь двое родились на Хитровѣ, ни къ кому никуда оттуда ни на какое мѣсто не поступали, ни за какую работу не брались, ничего, кромѣ воровства, не знаютъ; только 85 сдѣлались воришками, будучи на мѣстѣ, у хозяина, а 236 остальныхъ всѣ безъ мѣста. И эта безработица въ большинствѣ вынужденная: они пріѣхали въ Москву именно за работой, но или закрылось заведеніе, гдѣ пришлось служить, или хозяину почему-либо разонравились, или просто потому, что при извѣстныхъ условіяхъ не было возможности жить: не разъ попадаются жалобы на непосильныя работы, на то, что сильно билъ хозяинъ, мастера. Встрѣчаются указанія и на положеніе «мальчиковъ» вообще, что «такъ ничему не научишься,—быть на побѣгушкахъ». А бывають они на побѣгушкахъ, на грошовомъ жалованьѣ, нельзя сказать, чтобы мало—и годъ, и два. Разумѣется, мальчикъ, въ концѣ концовъ, отчаивается научиться чему-нибудь на данномъ мѣстѣ и уходитъ.

Правда, часть добровольно покидаетъ насиженные ужъ мѣста, прельщаясь вольной жизнью обитателей «Хивы». Но такіе—далеко не общее правило; и притомъ, обитателями подобныхъ притоновъ все-таки вѣдь не рождаются, а дѣлаются, опускаясь все ниже и ниже. Первымъ же толчкомъ къ паденію служить отсутствіе заработка.

Понятно, безработица особенно страшна для деревенскаго мальчика, прибывшаго безъ всего въ Москву, нежели для коренного москвича. У послѣдняго тутъ и родители, и знакомые, такъ что пріютъ, при желаніи и нуждѣ, всегда можно на время отыскать. Въ иномъ положеніи немосквичъ: ему некуда дѣваться, не на что жить.

Съ большимъ, поэтому, основаніемъ можно сказать, что деревня пріѣзжаетъ въ Москву затѣмъ, чтобы, не выдержавъ конкуренціи съ лучше вооруженными горожанами, попасть въ результатѣ въ исправительное заведеніе—за преступныя, выходить, наклонности. А вооружена она, безусловно слабѣе;

стоитъ вообразить только, какое впечатлѣніе можетъ произвести и производить городъ на только что пріѣхавшаго изъ деревни маленькаго дикаря. Столичная жизнь сбиваетъ его съ толку, опрокидываетъ все, чѣмъ крѣпокъ былъ онъ самъ и его сельчане, и съ чѣмъ онъ пріѣхалъ въ Москву. Надъ его деревенскими понятіями смѣются, въ городскихъ, для него новыхъ, онъ еще не разобрался. Лишенный и того небольшого фундамента, который заложило ему пребываніе зиму, двѣ въ школѣ, что заложила семья, мальчикъ остается буквально безъ руля и безъ вѣтриль, на милости судьбы, какъ угодно послѣдней будетъ съ нимъ распорядиться. Маленькій москвичъ въ этомъ отношеніи оказывается куда въ болѣе выгодномъ положеніи. Эти громадныя зданія ему знакомы съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнитъ себя, и удивленія въ немъ они не возбуждаютъ; онъ хорошо знаетъ цѣну и этимъ уличнымъ пріятелямъ, обитателямъ бульваровъ и рынковъ; наконецъ, онъ скорѣе, при случаѣ, найдетъ себѣ и заработокъ, нежели растерявшійся, нерасторопный пріѣзжій. Конечно, скоро, сравнительно, и этотъ усваиваетъ себѣ все, что требуется для столицы, отшлифовывается; но эта отшлифовка стоитъ ему многого и покупается дорогой цѣной уголовной невинности; не говоря ужъ о безчисленныхъ побояхъ и колотушкахъ и часто слезахъ.

Драгоценной для пониманія такого «типа» является случайная почти помѣтка въ біографіи одного воспитанника, сдѣланная записывавшимъ грустную повѣсть: «у мальчика остались о деревнѣ самыя свѣтлыя воспоминанія»; дальше рассказывается, какъ этотъ самый мальчикъ со слезами на глазахъ обращался памятью къ спокойному, безпечальному житію среди родныхъ полей.

Мало, однако, и этого: деревня пріѣзжаетъ обдѣленной по сравненію съ Москвой и въ самомъ необходимомъ для послѣдней, грамотности. Выше мы указывали уже, что вообще-то все населеніе Пріюта и Отдѣленія не можетъ по-

хвастаться успѣхами въ этой области. Деревня и здѣсь побиваетъ рекордъ. Обратимся къ цифрамъ. Изъ 154 родившихся въ селѣ окончило курсъ начальной школы 24 чело-вѣка, одинъ, приче́мъ, изъ нихъ успѣлъ пройти два класса Реального Училища; о трехъ мы свидѣній не имѣемъ, и 25 затѣмъ изъ этихъ же 154 чело-вѣкъ школы не знали совсѣмъ; остальные не доучились; тогда какъ изъ 138 москвичей окончило уже 28 чело-вѣкъ, изъ нихъ окончилъ 1 ремеслен-ное училище и 1 прошелъ 3 класса гимназія; не училось совсѣмъ только 6 чело-вѣкъ и объ одномъ свидѣній нѣтъ. Изъ 21 уроженца другихъ городовъ окончило опять-таки 7 чело-вѣкъ, не училось два и объ одномъ свидѣній нѣтъ. Эти цифры лишній разъ отъяняютъ, съ чѣмъ и какая деревня добирается до Москвы.

Интересно было бы сопоставить, какой % дѣтей-пре-ступниковъ выдѣляетъ изъ себя Москва и какой провинція, пріѣзжающая на заработки въ Москву. Это было бы, кажется, возможно, опредѣливъ, какое количество прибываетъ ежегодно въ Москву деревенскихъ подростковъ, начиная хотя бы съ 10 лѣтъ и до 17, и опредѣливъ, затѣмъ, число московскихъ уроженцевъ того же возраста и положенія. Данныя же о су-димости узнать было бы не трудно.

Въ силу указанной разницы, врядъ ли могущей вызвать сомнѣнія, между городскими московскими и сельскими уро-женцами, необходимо отмѣтить и болѣе, въ общемъ, серьезный характеръ преступности горожанъ. Въ подтвержденіе можно было бы сослаться на слѣдующее обстоятельство. Авторомъ, совершенно безъ всякой предвзятой мысли, отмѣчалась, при чтеніи біографій, наиболѣе изъ нихъ интересныя, въ смыслѣ богатства уголовнаго въ нихъ матеріала. Герои этихъ инте-ресныхъ исторій успѣли совершить нѣсколько преступленій болѣе или менѣе серьезныхъ, успѣли нѣсколько разъ побы-вать передъ судомъ, стать основательными громилами. Разу-мѣется, пѣнность такого отбора опредѣленныхъ біографій

весьма относительна, такъ какъ, въ концѣ концовъ, весь интересъ опредѣлялся чисто субъективно и безъ всякой системы. Извѣстное, однако, значеніе за этимъ отборомъ признать можно.

Набралось всего такихъ біографій изъ 327 (Рук. Пр.) 28; позднѣе, когда съ обработкой вынесенныхъ впечатлѣній начали выясняться и могущіе быть сдѣланными изъ нихъ выводы, къ указаннымъ 28 біографіямъ примѣнена была общая мѣрка. Оказалось, что изъ этихъ 28 цѣлыхъ 19 біографій принадлежали москвичамъ, 1 уроженцу другого города, 1 мальчику, о которомъ не было свѣдѣній, гдѣ онъ провелъ дѣтство и только 7 было біографій, принадлежащихъ сельскимъ уроженцамъ. Это вполне понятно: деревенскій мальчикъ, часто 12—14 лѣтъ впервые привезенный въ Москву, за какіе-нибудь два—три года жизни въ ней, не можетъ такъ специализироваться, какъ городской, иногда съ 8—9 лѣтъ начинающій свою карьеру.

Бросается въ глаза еще одинъ любопытный въ психологическомъ отношеніи фактъ. Быть можетъ, нужно его цѣликомъ поставить въ связь съ городской жизнью, но, кажется, извѣстную цѣну онъ имѣетъ и самъ по себѣ. Рѣчь идетъ о религіозности у преступныхъ дѣтей, на сколько о ней можно судить по такимъ актамъ, какъ исповѣдь и причащеніе. Изъ всего числа 327 поступившихъ въ Пріютъ за пятилѣтіе лишь двое заявляютъ, что говѣли такъ давно, что и не помнятъ. Исключивъ ихъ и еще 26, о которыхъ нѣтъ указаній, получимъ массу въ 299 человекъ. Они всѣ, обычно, ежегодно говѣли, и рѣшительно никто изъ нихъ не заявляетъ о своемъ отрицательномъ, въ силу чего бы то ни было, отношеніи къ этому обряду. Регулярное, однако, исполненіе его за годъ, иногда за два, за три до Пріюта начинается прекращаться до того, что изъ 299 оказываются не говѣвшими въ годъ преступленія цѣлыхъ 163 человекъ. Они всѣ даютъ объясненіе этому факту чисто-извинительнаго харак-

тера, они оправдываются: «некогда было», «работы много было», хозяинъ не пускалъ» и т. п... Лишь одинъ прямо говорить, что «не хотѣлось просто».

Не думая придавать религіозности сдерживающаго какого-либо значенія, религіозности тѣмъ болѣе въ эти годы и у этихъ классовъ, религіозности вполне бессознательной, граничащей часто съ обрядностью, необходимо все же эти данныя отмѣтить. Они служатъ лучшимъ показателемъ того настроенія, очень возможно, цѣлаго психологическаго перелома, который, очевидно, нужно признать имѣющимъ мѣсто въ душѣ ребенка, кандидата въ преступники. Возможно, передъ нами здѣсь, въ этомъ незначительномъ по виду фактѣ, цѣлая переоцѣнка цѣнностей и, во всякомъ случаѣ, нѣкоторая, подъ влияніемъ чего-то, дезорганизация жизненнаго порядка, извѣстный хаосъ. Нагляднымъ образомъ это и выражается, прежде всего, въ небрежномъ отношеніи къ тѣмъ обязанностямъ, которыя, быть можетъ, очень недолгое время назадъ казались священными. Хотя, разумѣется, нельзя отрицать большой доли правды и за объясненіями: «было некогда», «не пускалъ хозяинъ» и т. п.

Намъ остается еще прослѣдить влияніе такихъ важныхъ въ развитіи преступности факторовъ, какъ семья, алкоголизмъ. И въ этихъ отношеніяхъ біографіи воспитанниковъ способны дать цѣнный матеріалъ. Возьмемъ семейную обстановку, въ которой росли мальчики. Какъ указано выше, средній ихъ возрастъ при поступленіи въ Пріютъ около 15 лѣтъ, а въ Отдѣленіе даже около 12. При раннихъ бракахъ въ той средѣ, откуда вышли обитатели Пріюта и Отдѣленія, мы въ правѣ ожидать, что застанемъ, въ большинствѣ случаевъ, живыми отца и мать. Но вотъ цифры. Изъ 327 (Рук. Пріютъ) имѣютъ живыми обоихъ родителей только 138 воспитанниковъ; 189 остальныхъ сироты, 30 изъ коихъ круглые, т. е. не имѣютъ ни отца уже, ни матери. 19 человекъ не смогли дать никакихъ свѣдѣній о своихъ родителяхъ: такъ давно они

потеряли ихъ изъ виду. У большинства осталась одна мать, и тутъ мы встрѣчаемъ обычную прибавку: «жить съ любовникомъ», «связалась съ любовникомъ»; рѣдко попадаетъ «вышла замужъ за другого», причемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ всегда раздаются жалобы, что отчимъ недоволенъ пребываніемъ мальчика въ домѣ, ругается, дерется. Ровно вдвое осталось въ живыхъ отцовъ, при умершей матери; здѣсь любовница является неотъемлемой принадлежностью, или, что еще хуже, въ домѣ появляется мачеха, послѣ чего пребываніе ребенка, хотя бы и въ родномъ домѣ, становится положительно невозможнымъ. Еще интереснѣе цифры, даетъ Отдѣленіе, быть можетъ, въ виду болѣе тщательныхъ справокъ о мальчикахъ: изъ 82 (объ 1 указаній нѣтъ) круглыхъ сиротъ насчитывается 34; потерявшихъ отца 19 человекъ, потерявшихъ мать 10 и лишь 19 человекъ имѣютъ еще въ живыхъ отца и мать.

Эти небольшія данныя о семейномъ положеніи воспитанниковъ наглядно даютъ понять, при какихъ условіяхъ протекаетъ воспитаніе большинства мальчиковъ. Какъ въ одномъ случаѣ, оставшись одна, слабая женщина—мать не въ силахъ справиться съ маленькимъ сорванцомъ и оказать на него благотворное вліяніе, часто потому просто, что, лишившись кормильца, сама днями не бываетъ дома, добывая какіе-нибудь гроши, такъ еще болѣе въ другомъ случаѣ, когда вдвоетъ отецъ—самъ рабочій, занятой человекъ, у котораго одна забота—дума, поскорѣе добраться отдохнуть,—въ обоихъ случаяхъ мальчикъ сирота лишень всякаго о себѣ попеченія, въ смыслѣ воспитанія. Единственная о немъ забота, это поскорѣе, какъ-нибудь и куда-нибудь, спихнуть лишній ротъ; приткнувъ его, забываютъ о немъ, не до него тутъ, и мальчикъ оказывается предоставленнымъ собственной своей судьбѣ. Нечего ужъ и говорить, каково положеніе круглыхъ сиротъ; въ деревнѣ часто еще имѣютъ они возможность хоть съ грѣхомъ пополамъ пристроиться, въ тѣ же пастухи,—«міръ» считаетъ

своей обязанностью помочь мальчику. Но, конечно, не всегда; особенно въ губерніяхъ подмосковныхъ или, тѣмъ болѣе, въ мѣстностяхъ фабричныхъ, заводскихъ. Здѣсь, такъ же какъ и въ городѣ, мальчику, лишившемуся единственной опоры, выбора иногда прямо не остается, въ томъ смыслѣ, что иного выхода, какъ нищенство, воровство, у него нѣтъ; онъ всѣмъ чужой.

Нельзя сказать, чтобы особенно завидно было положеніе и тѣхъ 138 (Рук. Пр.) или 19 (Отдѣл.), у которыхъ цѣлы и отецъ и мать. У первыхъ 17 изъ нихъ даютъ такого рода замѣчанія о своихъ родителяхъ: «разведены», «вмѣстѣ не живутъ», «отецъ вдали», «отецъ больной, мать съ любовникомъ». У вторыхъ (Отдѣл.) и того хуже: лишь двое изъ 19 подобныхъ замѣчаній не дѣлаютъ о родныхъ семьяхъ, а про остальныхъ можно, очевидно, сказать, что семьи, какъ таковой, они не знали и не знаютъ.

Но совершенно почти уничтожаетъ и это внѣшне чисто благополучіе—отецъ и мать все-таки есть—алкоголизмъ. Къ большому сожалѣнію, не всегда этотъ послѣдній отмѣчается въ пріютскихъ біографіяхъ (яное совсѣмъ въ Отдѣленіи) и, во всякомъ случаѣ, его роль недостаточно освѣщена. Но даже изъ того, что можно почерпнуть изъ біографій по этому поводу, намѣчаются поразительные выводы. Отбрасывая совсѣмъ такія помѣтки, какъ «отецъ» или «мать немного пьютъ», «умѣренно», «выпиваютъ», характеристикъ превосходной степени, прямо указывающихъ на настоящій алкоголизмъ, «страшно», «сильно», «страсть какъ пилъ», «пьянствовалъ», «съ того и померъ»—однихъ такихъ лишь характеристикъ мы насчитываемъ изъ 327 (Рук. Пр.) 142, даже изъ меньшей нѣсколько суммы, потому что нѣкоторые не могли дать положительно никакихъ свѣдѣній о своихъ родителяхъ. Тоже и въ Отдѣленіи: изъ 83—44, т. е. больше половины характеризуютъ своихъ отца, главнымъ образомъ, или мать, или обоихъ вмѣстѣ, какъ алкоголиковъ.

Не къ чему было заносить имѣющіяся данныя объ алкоголизмѣ самихъ воспитанниковъ; прежде всего, употребляющихъ алкоголь, какъ это ни страннымъ кажется сначала, не много, а затѣмъ, вообще было бы затруднительно уловить истину изъ показаній подобнаго рода. Одни, рассказывая о себѣ, могли бы скрыть настоящее, опасаясь послѣдствій такихъ признаній, другіе имѣли бы возможность хвастаться этимъ геройствомъ, что, вѣроятно, не разъ и имѣло мѣсто. И того, что можно было узнать о родителяхъ, совершенно достаточно.

Какъ только что указывали, у насъ осталось всего 138 изъ 327; 138 тѣхъ семей, которыхъ мы имѣли основанія называть благополучными, хотя бы внѣшне, т. е. такихъ, гдѣ живы и отецъ, и мать, и гдѣ, слѣдовательно, воспитанія, въ небольшихъ хотя бы размѣрахъ, мы въ правѣ были ожидать. И вотъ здѣсь-то какъ разъ и выступаетъ на сцену пьянство, и характерно, что, главнымъ образомъ, оно надаётъ на эти цѣлыя еще семьи. Такъ, изъ 142 случаевъ (Рук. Пріютъ) отмѣченныхъ нами характеристикъ превосходной степени. 61 случай, т. е. половина почти, приходится на эти же 138, на эти благополучныя семьи. Число послѣднихъ, такимъ образомъ, безусловно должно быть понижено до 77 уже— процентъ изъ 327 поразительно небольшой.

И когда передъ нами изъ всей массы преступной дѣтвора только 77, къ кому мы можемъ какія-либо требованія предъявлять, потому что вина всѣхъ прочихъ—вина ихъ отцовъ и матерей, тогда становятся понятными эти человѣчки, съ дѣтскихъ лѣтъ сумѣвшіе попасть въ ряды отверженныхъ. Безъ воспитанія и семьи, хорошей домашней обстановки, безъ полнаго чарующихъ воспоминаній дѣтства, часто съ печатью вырожденія и наслѣдственности на почвѣ алкоголизма и разврата ихъ близкихъ и родныхъ, вырастаютъ они; и эта дикость, и это упорно злое отношеніе ко всѣмъ кажутся отъ нихъ неотъемлемыми; мальчикъ «бука»: жизнь успѣла ужъ

ожесточить его, научивъ его собственными маленькими силами защищать себя отъ всѣхъ бѣдъ и несчастій ранняго выступленія на борьбу за право существовать. И защищаются; по-своему, конечно; пока разбитыя вдребезги трудовыя попытки не заставятъ выйти на широкую дорогу иныхъ ужъ средствъ,—чтобы добыть только кусокъ хлѣба, чтобы только жить. Не напрасно же строить заведенія исправительныя.

Въ заключеніе—годы 1903—1907 обнимаютъ собой и тѣ какъ разъ годы, событія въ жизни политической и общественной въ теченіе которыхъ дѣлаютъ ихъ въ исторіи датами, съ которыхъ начинаются эпохи. Это годы войны и слѣдующіе за ними годы 1905 и 1906, годы перелома общественной мысли и жизни. Затронули ли хоть эти послѣдніе годы тотъ міръ, съ которымъ мы все время имѣемъ дѣло? Отвѣтить приходится отрицательно: въ этомъ міру своя жизнь, своя полная глубокаго драматизма борьба за хлѣбъ насущный, и только съ этой послѣдней стороны граничить ихъ жизнь иногда съ тѣми событіями, о коихъ идетъ рѣчь.

Годы войны, пожалуй, еще можно считать внесшими свою долю въ исторію дѣтской преступности. Такъ, поле сраженій не одного хозяина, мастера потянуло къ себѣ; отсюда, какъ причина, почему мальчикъ слоняется бсзъ дѣла по московскимъ улицамъ: «хозяина взяли на войну», а заведеніе, разумѣется, вынуждено было закрыться. И такихъ случаевъ насчитывается нѣсколько. Есть и еще обстоятельство, сыгравшее на руку ужъ удачной дѣтворѣ, обстоятельство, обязанное своимъ возникновеніемъ всецѣло войнѣ. Это военныя телеграммы: не одинъ десятокъ воспитанниковъ Приюта указываетъ на продажу ихъ, какъ на средства къ жизни въ теченіе продолжительнаго довольно періода. Этими двумя фактами, серьезнаго, конечно, въ общемъ, значенія не оказавшими на московскую уличную жизнь и исчерпывается все замѣтное вліяніе войны.

Еще менѣе имѣли значенія и знаменитые 1905 и 6

затѣмъ годы. Хотя, казалось бы, тѣ грандіозныя событія, которыя имѣли мѣсто въ одной Москвѣ, волей или неволей, такъ или иначе, но должны были затронуть это бродячее общество.

Только одинъ, объясняя, почему братъ его пересталъ воровать, говорить, что тотъ «сталъ социалистомъ». Другой откровенно заявляетъ, что тѣмъ «тогда» хорошо было, что работать удобнѣе было: въ суматохѣ, люди не замѣчали, какъ эти дѣльцы тащили у нихъ изъ кармановъ кошельки, платки, часы и т. п. Хотя разъ, говорить, нарвались съ товарищемъ: во время какого-то политическаго собранія стащили пальто и невдалекѣ, тутъ же въ пріемной, стали разсматривать его. Оказались тамъ, къ великому, по ихъ словамъ, ужасу, два револьвера и бомба. Перепугались, будто бы, страшно, и пальто бросили. Этотъ случай, однако, не научилъ, и тотъ же рассказчикъ повѣствуетъ, какъ во время похоронъ Баумана полѣзъ, между прочимъ, въ карманъ и къ студенту. Послѣдній поймалъ ворышку; ничего не сдѣлалъ ему, только бросилъ: «нельзя, нельзя такъ дѣлать». Конечно, и этотъ небольшой нравственный урокъ не помогъ мальчику въ концѣ концовъ избѣгнуть Пріюта.

Отмѣченные случаи единственные, гдѣ упоминаются событія 1905 года. Придавать имъ какое-либо значеніе было бы трудно; а большаго мы не имѣемъ.

